

К СТОЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГУ /
ON THE 100TH ANNIVERSARY OF HISTORICAL FACULTY
OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY

Серия «История»
2016. Т. 18. С.118–133
Онлайн-доступ к журналу:
http://izvestia_hist.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 378.4:9(571.53)(091)

**Исторический факультет
Иркутского государственного университета:
образование и жизнь в 1970-е гг.**

Т. П. Кальянова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются возможности, существовавшие на историческом факультете Иркутского государственного университета в 1970-е гг. для восприятия истории как образовательной процедуры, с одной стороны, и для истории самоопределения человека, с другой.

Ключевые слова: Иркутский университет, историческое образование, историки, студенты.

Проблематика современного университетского образования, как правило, существует в русле количественных и качественных социологических исследований, рассматривается с точки зрения эволюции институтов либо предстает в виде политико-экономических штудий. В таких работах внимание фокусируется на нынешнем моменте существования университетов, на ситуации кризиса или исчезновения их. Повышенный интерес к сиюминутности, ее чрезмерная актуализация обычно пренебрегают историей, в частности последними десятилетиями советской эпохи.

Будучи недавним прошлым, те времена кажутся очень отдаленными и уже мифологизированными. Важной задачей оказывается восстановление утраченных деталей былого, советского, и понимание того, что в нем осталось вне научного анализа. В числе прочего это относится и к изучению человека в университете, его самоопределению в университетском сообществе, в жизни. В прошедшие постсоветские десятилетия такая проблематика как важное условие профессиональной рефлексии наиболее интенсивно развивалась историками, стремившимися осмыслить происходившую «методологическую революцию», процессы трансформации своего академического сообщества, сохранить память об учителях [2; 3; 5–7; 12]. Перечень тем и вопросов, подлежащих рассмотрению, представляется обширным и включа-

ет как макро-, так и микроисторические исследования не только столичных, но и провинциальных университетов¹.

В данной статье предполагается рассмотреть, какие возможности были на историческом факультете Иркутского государственного университета в 1970-е гг. для восприятия истории как образовательной процедуры, с одной стороны, и для истории самоопределения человека, с другой.

Время, проведенное в университете, давало студентам возможность изучать историю как книжное схоластическое или критически-аналитическое знание. Но вместе с тем человек воспринимал и науку жизни, поскольку учеба проходила в контексте университетской среды, общения, человеческих контактов, нравственно-оценочных суждений и профессионально-гражданского выбора. История оказывалась не только суммой сведений и действий по их извлечению. Она была условием становления личности, естественным атрибутом жизни образовывавшегося человека и могла стать своеобразным буфером, позволявшим создавать отстраненность, дистанцию между историком и декларировавшимися официальными концептуально-идеологическими схемами. Именно в этом зазоре реализовывалась человеческая субъектность, возможность научиться быть профессионалом и человеком, выстраивать свою стратегию жизни, действий, мнений и размышлений.

Важное значение в таком исследовании имеют документы личного происхождения: биографические справки, сохранившиеся конспекты лекций, опубликованные воспоминания, письма, в которых отразилась субъективность мемуаристов². В них можно обнаружить стимулы познания и мотивацию действий, смысловое обоснование поступков, ценностные предпочтения, жизненные ориентиры, эмоционально-оценочные суждения о мире и своем присутствии в нем.

Основным источником явились фокусированные интервью, взятые в 2010–2012 гг. у историков, закончивших исторический факультет ИГУ в 1970-е гг. Там присутствует нынешний взгляд на прошлую ситуацию. Такая ретроспективность содержит в себе позднюю мудрость, пришедшую с прожитыми годами, знание того, что было после окончания университета, суждения о своем былом студенчестве в контексте произошедших исторических перемен. Личностная аутентичность высказываний таит в себе разрыв во

¹«При этом неизбежно возникает необходимость восстановить более общий интеллектуальный контекст эпохи, изучить инфраструктуру производства и распространения исторического знания, организационные структуры (институты) исторического образования и исторической науки, «архитектуру» ее коммуникативного пространства и формы межличностных коммуникаций, не забывая, разумеется, о самих идеях и текстах (как исторических исследований, так и популярных, справочных и учебных изданий), а также о материальной форме бытования и способах трансляции выраженных в этих текстах идей – о книгах и о читателях, которые их воспринимали, интерпретировали, обсуждали, отвергали или «присваивали» [9, с. 27].

²«Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [9, с. 25–26].

времени. Воспроизводимые в памяти собственные давние студенческие мнения, оценки, суждения передаются нынешними взрослыми людьми. Создаваемая картина прошлого оказывается не тем, что и как было тогда, а тем, что и как вспоминается теперь.

Для исторического факультета ИГУ 1970-е гг. оказались первым десятилетием самостоятельного развития³, которое, как представлялось тогда, больше никогда не прервется⁴. Этот оптимизм во многом определялся самым духом времени, в котором сохранялась энергия послевоенного движения, ярко сказавшегося в предыдущее десятилетие. Высокие конкурсы при поступлении на исторический факультет были косвенным свидетельством веры в предсказуемое и благополучное будущее.

Выбор абитуриентов часто определялся не только утилитарно-прагматическими мотивами, но и бескорыстным интересом к истории, воспринимаемым как призвание. Такое влечение могло возникнуть благодаря школьным учителям, которые пробудили в учениках любознательность. Чтение книг, увлеченность историческими сюжетами или международной политикой также приводили молодых людей на факультет. Поступление сюда случалось как по настоянию родителей, так и вопреки их воле.

Кроме учебных возможностей, не менее важными оказывались социальные потенции исторического образования, которые помогали сохранить или изменить свой общественный статус, воспроизвести культурный фон, демографический или нравственный потенциал человека⁵. Сохранявшаяся с каких-то незапамятных времен, зачастую не поддававшаяся рефлексии тяга к университетскому образованию, интуитивное признание его высоты и ценности оказывались очень действенными мотивами. Университет рассматривался как социальный лифт, позволявший потом двигаться по жизни в пределах сложившихся иерархий.

Образование на историческом факультете было направлено на формирование знаний и навыков, которые необходимы для профессиональных занятий историей. К ним относится умение собрать, классифицировать, ана-

³ Историческое университетское образование появилось в Иркутске в 1918 г., в условиях Гражданской войны, и испытало превратности судьбы, выразившиеся в советских преобразованиях университета, в последовавшей ликвидации преподавания истории и в воссоздании историко-филологического факультета в 1930-е гг. В 1968 г. он разделился на исторический и филологический факультеты.

⁴ В 2012–2015 гг. привычным стало предчувствие очередного «конца истории» исторического факультета и следующей ликвидации университетского исторического образования в Иркутске. Недоумевающие историки, сравнивая нынешнюю ситуацию с 1918 г., когда в условиях откровенной Гражданской войны историческое образование не считалось ненужным, невольно задаются вопросом: почему сейчас в условиях провозглашаемой «стабилизации» историческое образование обречено на ликвидацию? Но вопрос остается кулуарным, негромким. Переживая свою обреченность, историки по усвоенной профессиональной привычке готовы обосновать ее «историческими закономерностями» и вновь оказаться жертвами исторических обстоятельств.

⁵ «Заметим, что речь идет не только, а во множестве случаев и не столько о реализации полученных шансов в той или иной профессиональной среде, но об образовании как определенном ресурсе личностного развития» [14, с. 19–37].

лизировать исторические источники, работа с историографической литературой, реферирование периодики, способность написать текст научной статьи, выступить на научных конференциях.

Однако, помимо официальных квалификационных требований, существовала и некая сверхзадача. Неформальным девизом историков было утверждение, что история – наставница жизни⁶, что на историческом факультете учат думать. Это контрастировало с официальным предназначением – готовить идеологических работников, для которых стремление мыслить самостоятельно было нежелательным. Здесь проходила некая граница предпочтений, и чувствовалось подспудное противостояние ценностных ориентаций историков, которое спустя десятилетия воспроизводится в нынешних воспоминаниях выпускников. История и идеология могли оказаться полем внутреннего конфликта, в котором происходило личностное и профессиональное самоопределение студента.

Структура знаний об истории в то время была основана на формационном подходе, присутствовавшем в традиционной периодизации: первобытное общество, древний мир, средние века, новое время, новейшая история. В таблице представлен перечень учебных дисциплин, которые должен был прослушать и сдать студент за пять лет своей учебы⁷.

Таблица

Учебные дисциплины, обязательные для изучения студентами исторического факультета ИГУ

Блоки дисциплин	Предметы	Время в семестрах
Общественно-политические дисциплины	История КПСС	Четыре семестра
	Научный коммунизм	Два семестра
	Политическая экономия капитализма	Один семестр
	Политическая экономия социализма	Один семестр
	Диалектический материализм	Один семестр
	Исторический материализм	Один семестр
	История философии	Один семестр
	Комсомольское строительство	Один семестр
	Также до 1974 г. были научный атеизм, этика или эстетика	Один семестр

⁶ На факультетском значке прежде был девиз: *Historia magistra vitae est*. В апреле 2012 г. на рекламном буклете исторического факультета ИГУ появился лозунг, откровенно сказавший миру о предназначении не только факультета, но и исторического знания в целом. Новый девиз нескромно обнаружил случившийся ценностный сдвиг и ясно выразил современную парадигму: идея управления утверждается ныне в качестве доминанты: «Через познание прошлого к управлению будущим!». Летом 2012 г. он выглядел так: «Через познание прошлого к проектированию будущего!». На сайте исторического факультета в ноябре того же года был представлен еще один вариант утилитарного использования истории: «Через познание прошлого к успеху в будущем!» [4].

⁷ В середине 1970-х гг. менялись образовательные программы, перечень дисциплин, а также время их изучения. Отмечаются некоторые различия в воспоминаниях выпускников первой и второй половины того десятилетия.

Окончание табл.

Блоки дисциплин	Предметы	Время в семестрах
Исторические дисциплины	История СССР История Сибири Источниковедение Историография истории СССР Археология История первобытного общества Этнография История древнего мира История средних веков История Востока в средние века История южных и западных славян История нового времени Европы и Америки История стран Востока в новое время Новейшая история Европы и Америки Новейшая история Азии и Африки История международного коммунистического и рабочего движения Новейшая история Китая	Шесть семестров Один семестр Один семестр Один семестр Один семестр Один семестр Один семестр Два семестра Два семестра Один семестр Два семестра Два семестра Два семестра Два семестра Два семестра Один семестр Один семестр
Литература и языки	История зарубежной литературы История советской литературы Латинский язык Западноевропейский язык (английский, немецкий, французский, испанский) Древнерусский язык	Один семестр Один семестр Два семестра Восемь семестров Один семестр
Педагогические дисциплины	Логика Педагогика Психология Методика преподавания истории	Один семестр Один семестр Один семестр Один семестр
Практики	Археологическая или историко-этнографическая Пионерская Комсомольская Педагогическая практика в школе Музейно-архивная	Один месяц Один месяц в пионерском лагере Один месяц в райко- ме комсомола Одна четверть: ноябрь-декабрь в школе Один месяц: экскур- сии в музеях Москвы и Ленинграда
Дисциплины специализации	Предметы специализации по истории КПСС, истории СССР, всеобщей истории	Начиналась с 3-го курса
Медицина (девушки) и военное дело (юноши)		На 2–4-м курсах (шесть семестров)
Технические средства обучения	Изучение кинопроектора	Один семестр

Важным событием в подготовке историков была музейно-архивная практика: пятикурсники один месяц, обычно октябрь, проводили в Москве, Ленинграде, знакомясь с памятниками изученной истории. Традиция образовательных путешествий, бытовавшая в европейских университетах в XVIII–XIX вв., получала своеобразное выражение в этой поездке.

Учеба на историческом факультете завершалась защитой дипломной работы⁸, государственными экзаменами по истории КПСС и по научному коммунизму.

Поскольку исторические факультеты советских университетов считались идеологическими структурами, образование было ориентировано еще и на воспроизводство идеологии: изучение постановлений партийных съездов, пленумов, способность передать основные идеи этих документов, умение выступать по политико-идеологическим вопросам. В экзаменационных билетах не только по общественно-политическим дисциплинам, как правило, были вопросы, проверявшие знания решений очередного съезда или пленума ЦК КПСС. Формальная обязательность такого правила обычно переводила это в разряд автоматически выполняемых рутин, почти не задевавших сознание и не перегружавших память.

Граница между идеологией и историей была очень зыбкой, размытой и не всегда заметной. Особенно сложно было разделить их в тех учебных курсах, где революционная деятельность, развитие социалистического и коммунистического движения, эпоха империализма были реалиями исторического периода. Например, в «Истории СССР эпохи империализма» было семинарское занятие по работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако это нельзя считать безусловно идеологическим фактом.

Структура исторического знания представлялась более сложной, отражала многовариантность взглядов и оценок, даже если это передавалось в форме «критики буржуазных фальсификаций». Например, в сохранившихся конспектах лекций по вышеназванному предмету с упомянутым семинаром был небольшой историографический очерк, где наряду с ленинским подходом указаны «бело-эмигрантские», модернизационные трактовки истолкования российского империализма. В списках литературы по предмету, кроме работ классиков марксизма-ленинизма, были мемуары, дневники, переписка государственных деятелей царской России.

Благодаря этому создавалась возможность для самостоятельного прочтения, размышлений и истолкования истории. Тем самым формировалось так называемое историографическое чувство⁹, которое учит понимать, что любое высказывание или текст обусловлен какими-то историческими обстоятельствами, рожден в контексте определенного времени и его нельзя истолковывать вне этих обусловленностей. Это могло оказаться инструментом для отделения истории от идеологической догматики, оперировавшей непререкаемыми лозунгами.

⁸ Вместо дипломной работы тогда можно было сдавать государственный экзамен по истории СССР.

⁹ Из интервью студента 1971–1976 гг.

В 1970-х гг. студенты узнавали науку историю не только на лекциях и семинарах. На факультете тогда действовали учебные лаборатории. В них приобретались производственные навыки полевой работы и обработки материалов, собранных во время летних экспедиций.

Крупным структурным подразделением, существовавшим в рамках кафедры всеобщей истории, была лаборатория археологии и этнографии. Археологи по роду своей деятельности оказывались динамичными людьми, в меньшей степени связанными с обязательной идеологией. По сравнению с некоторыми сферами знания, представленными на исторических факультетах, археология воспринималась как точная наука, имевшая обязательные исследовательские методы, занимавшаяся типологизацией материальных, земных, а не эфемерных артефактов. Исследовательская атмосфера, складывавшаяся в лаборатории, располагала к обсуждению неоднозначных исторических фактов.

При кафедре истории СССР действовала лаборатория истории Сибири. В 1970-е гг. там обрабатывали записанные во время летних экспедиций воспоминания старожилов о Гражданской войне, коллективизации. Вот как видится ныне та деятельность: «...в 60-х гг. на историческом факультете Иркутского университета в лаборатории истории Сибири при кафедре истории СССР под руководством научного руководителя лаборатории С. Ф. Ковалю началась работа по сбору воспоминаний старожилов Восточной Сибири об их участии в событиях истории страны в 1-й пол. XX в. Об этой работе не упоминается ни в одном из историографических обзоров, посвященных устной истории. Основная причина, видимо, в том, что она выбивалась из ряда традиционных и не встречала понимания и признания в научной среде, в среде коллег, поскольку Семен Федорович неоднократно говорил сотрудникам лаборатории <...> что работу оценят через десятилетия, что “мы, – как он говорил, – работаем на будущее”»¹⁰.

В 1978 г. при кафедре всеобщей истории открылась лаборатория востоковедения. В воспоминаниях ее руководителя Владимира Павловича Олтаржевского представлена история ее создания: «Всегда у нас здесь существовал интерес к близлежащим странам, особенно к Монголии, Китаю, Японии, Корее, к Тихому океану, к Аляске. Вот те сферы, которые всегда интересовали иркутян, думающих, читающих, сопереживающих <...> В со-

¹⁰ «Противоречивую роль играл тот факт, что эта работа велась из года в год как историко-этнографическая практика студентов при лаборатории истории Сибири. С одной стороны, статус работы как научно-вспомогательный (который имела лаборатория) способствовал меньшей «опеке» со стороны надзирающих органов и оперативному простору: распространению на все новые территории огромного региона. В научном плане сбор воспоминаний не рассматривался на факультете как конкурент какому-либо направлению. Благодаря этому экспедиции по сбору воспоминаний продолжались год за годом, десятилетие за десятилетием. Однако плюсы низкого статуса обратились в минусы, когда с завершением работы встал вопрос о подготовке сотен тетрадей с воспоминаниями к публикациям. Стало очевидным, что эта работа держалась, прежде всего, на железной воле Семена Федоровича и поддержке заведующего кафедрой истории СССР В. Т. Агалакова в связи с его научными интересами, а также доцента В. П. Шахерова и ряда других сотрудников» [13, с. 28].

стве Лаборатории востоковедения объединялись на добровольных началах преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета, специализирующиеся по востоковедной проблематике»¹¹.

Исторический факультет в 1970-е гг. также предоставлял возможность для работы учебных кружков. Наиболее знаменитым был кружок международников. Там студенты, занимавшиеся под руководством Мирона Акимовича Бендера, могли готовить и читать через общество «Знание» лекции на промышленных предприятиях, на фермах, в школах и институтах¹².

Тогда существовал кружок медиевистов, которым руководил Владимир Павлович Олтаржевский. «Увлечение студентов средневековьем иногда меняло жизнь студентов коренным образом: философия и культура средневековья настолько увлекли одну из участниц кружка, что даже после окончания университета она не оставила свое увлечение <...> две участницы кружка стали кандидатами исторических наук, обе занимаются преподавательской деятельностью, в том числе читают курсы по истории средних веков <...> Что привлекало студентов? По воспоминаниям одной из участниц, “было интересно собираться вне аудитории, общаться с друзьями. Работа в кружке дисциплинировала, и сейчас понимаю, что многому научила”» [10, с. 147].

¹¹ «Я думаю, мы всегда должны помнить о том, что во главе нашей кафедры в период ее создания стоял человек, который вообще является создателем целого направления в нашей науке, в организационных структурах нашего факультета. Я имею в виду Сергея Владимировича Шостаковича, нашего общего учителя, который был востоковедом и по образованию, и по объему своих знаний, формально – по своей докторской диссертации. Это тоже тот фундамент, на котором строилась наша Лаборатория востоковедения. Я не могу также не отметить того обстоятельства, что формирование существующего востоковедного центра в Иркутском университете связано с именем Владимира Вячеславовича Свирина. Он уже в те годы интересовался Монголией. Помнится, на четвертом этаже у него была маленькая комната, называвшаяся «монголоведный кабинет». В одной из наших бесед он как-то коснулся возможности организации центра изучения стран Востока. Кроме того, у нас к тому времени уже возникло на кафедре направление, представленное нашими коллегами, которые посвятили востоковедным проблемам свои выполнявшиеся тогда диссертации <...> Но было еще одно обстоятельство: для оформления нашей проблематики мне пришлось ехать за ее согласованием в Москву, в Институт востоковедения Академии наук. Южная часть Тихого Океана, Австралия, Океания, Новая Зеландия – это входило и входит до сих пор в структуру Института востоковедения. Ким Владимирович Малаховский, известный специалист в области международного права, специалист по проблемам Австралии и Океании, в то время зам. директора Института, благословил нас на совместную работу в этом направлении» [8, с. 5–6].

¹² «О серьезности кружка международников говорит и сотрудничество с такими структурами как обком ВЛКСМ, общество «Знание», комитет комсомола ИГУ <...> Международники работали в двух направлениях: лекционная и научно-исследовательская работа <...> Индивидуальная работа кружковцев сводилась к разработке своей научной темы, поиску литературы по ней, реферированию журналов и выборке наиболее важных и интересных на его взгляд материалов, которыми кружковец делился с коллегами (в кружке эта работа получила название «библиография»).... Большое внимание руководители кружка уделяли развитию лекторских навыков у студентов <...> Причастность не только к коллективу, но и доступ к закрытой или малоизвестной информации будоражил и давал ощущение своей избранности. Действительно, кружковцы получали некоторую информацию из специальных информационных бюллетеней, так называемых “атласов”, доступ к которым для простых студентов был ограничен. Возможность получить дополнительный доход, которую предоставлял кружок, также способствовала его популярности» [10, с. 148].

Лаборатории и кружки давали студентам возможность общаться вне учебных групп. Кроме того, они могли ввести в будущую профессию и давали прямой выход в жизнь, во внеуниверситетские сферы. Например, международникам приходилось выступать с лекциями о международном положении в разных трудовых коллективах. Это зачастую было трудным испытанием: воспринятый как идеологический работник студент должен был как-то справиться с не вполне доброжелательным настроением слушателей.

Межкурсовые контакты укрепляли общефакультетскую среду общения, способствовали передаче информации, опыта, студенческих преданий или легенд. Это могло стать фундаментом своеобразной мифологии, которая необходима для формирования сообщества. Огромную роль в этом играла стенгазета «Папирус» и праздник историков «Геродот».

«Папирус» редактировали археологи. Остроумное веселье, без заумных парадоксов, не переходящая в сарказм легкая насмешка над «злободневными» проблемами факультета, талантливые стихотворные экспромты и вполне профессиональное художественное оформление – все это делало событием каждый выпуск стенгазеты. В воспоминаниях выпускников остались некоторые эпизоды, связанные с «Папирусом». Запомнился юмористический фоторепортаж о работе на овощехранилище. «Борьба» деканата с прогулами занятий была отражена в карикатуре, где декан и заместитель декана¹³ пытались вытянуть карету, застрявшую на ухабистой дороге.

Причастность к сообществу историков ярче всего присутствовала в празднике историков «Геродот», проводившемся в конце марта, в дни школьных каникул, чтобы уехавшие в разные места выпускники могли собраться на нем. Центральным мероприятием была церемония посвящения первокурсников в историки. Пройдя ее, они зачислялись в «племя потомков Геродота». В этом празднике содержались многие элементы традиционной игровой культуры: своеобразная инициация в виде прохождения через испытания, обязательная клятва, чтение летописи факультета о событиях прошедшего года, ритуалы причащения и посвящения томом «Всемирной истории», которую главный магистр «возлагал» на голову каждому первокурснику, обязательное пение гимна *Gaudeamus*. Карнавальность этого действия выражалась академическими мантиями «магистров», амбивалентностью представлений, в которых студенты играли наряду и наравне с преподавателями. Здесь не было места официальной идеологии. Более важной и живой оказывалась идея корпоративности, восходящая к средневековым университетам¹⁴. Дух демократизма и некоторой патриархальности, который выпускники 1970-х гг. называют отличительным признаком исторического факультета, в значительной мере формировался «Геродотом».

¹³ Деканом тогда был Петр Харлампиевич Гребнев, заместителем декана – Матильда Петровна Петрушина.

¹⁴ В середине 1970-х гг. фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку с песнями Д. Тухманова «По волнам моей памяти». Запомнившаяся песня «Во французской стороне, на чужой планете/ Предстоит учиться мне в университете...» была очень популярна среди студентов и в чем-то созвучна атмосфере праздника историков.

По прошествии нескольких десятилетий трудно реконструировать природу отмеченного демократизма и понять свойства той патриархальности. Социальное происхождение студентов, обстоятельства и среда их воспитания в какой-то мере могут прояснить это. Большинство студентов и преподавателей исторического факультета 1970-х гг. были из небольших городов, поселков городского типа и сел, сохранявших черты деревенского уклада. Даже Иркутск – областной центр – в 1950–1960-е гг. еще не утратил их. Улица, двор, компании сверстников были естественной средой обитания детей и подростков¹⁵. В ней считалось позорным быть “единоличником”. Узнаваемое в школе слово “индивидуалист”, применявшееся на уроках литературы к “лишним людям”, тоже содержало в себе что-то достойное осуждения, неприятное¹⁶. И хотя по этому поводу возникал в определенном возрасте конфликт с самим собой и с миром, все-таки еще оставалась привычка быть в коллективе. Природная общинность естественно и неосознанно усваивалась в такой среде. Кроме того, школьное воспитание формировало навыки общественной работы, которая могла к окончанию школы показаться призванием, привести выпускника на исторический факультет и реализоваться здесь.

В те годы много значили так называемые общественные начала. В них все более заметным становились различия между официально-пропагандистскими декларациями, с одной стороны, и стихийно усвоенным социальным инстинктом, негласно проявлявшемся в стремлении к совместному бытию в каком-то сообществе, – с другой.

Кружки, лаборатории, экспедиции позволяли реализоваться социальным импульсам студентов и преподавателей вне идеологического официоза. Спустя тридцать лет это вспоминается так: «На нашем историческом факультете всегда была какая-то демократическая обстановка, она проявлялась и в отношениях между преподавателями и студентами. Но Лаборатория и потом ЦАТИ¹⁷ подняли этот демократизм на какой-то новый уровень <...> Это было какое-то сообщество, сообщество единомышленников, сообщество людей, которые хотят заниматься, которые действительно жаждут каких-то новых знаний <...> Причем если вспомнить те времена, то никакие деньги не играли никакой роли <...> У нас просто было желание поделиться тем, что мы знаем, и знать то, чего мы не знаем. У нас всегда сохранялось желание общаться именно на уровне обмена научной информации, и это было одним из главных достижений нашего Центра» [11, с. 21–22].

На «общественных началах» формировалась библиотека лаборатории востоковедения: добровольные взносы объединившихся в ней преподавателей позволяли по тематическим планам издательств «Наука», «Мир» и дру-

¹⁵ В интервью и текстах воспоминаний студенты тех лет иногда так говорят о себе: «Для меня, девочки с городской окраины...», «Мое, так сказать, пролетарское происхождение...».

¹⁶ В памяти сохранились слова честной и любимой учительницы литературы: «Индивидуалист – бойтесь этого слова. Если про Вас кто-то скажет так, знайте, что он сказал что-то очень плохое», и вспоминалась их важность для внутренних переживаний студента 1970-х гг.

¹⁷ Лаборатория востоковедения в начале 1990-х гг. была преобразована в Центр азиатско-тихоокеанских исследований (ЦАТИ).

гих выписывать необходимые книги, минуя административные структуры университета и факультета. На «общественных началах» археологи самостоятельно выстраивали экспозицию своего музея, выполняя необходимые ремонтно-конструкторские работы. Это давало навыки ответственного отношения к профессии и самостоятельного обустройства сферы своей деятельности вне официально-идеологического пафоса.

Официальная общественная деятельность осуществлялась в рамках комсомольской работы, однако она тоже не была однозначно идеологической, целиком подчинявшейся «принципу демократического централизма». Социально ориентированная искренняя ответственность проявлялась в этой сфере наряду с конъюнктурно-карьерными устремлениями, в которых преобладал индивидуалистический расчет. Судя по воспоминаниям, здесь отчетливо обозначался еще один ценностный конфликт, который много значил на историческом факультете в 1970-х гг.

Рассматривая ценностные ориентиры историков 1970-х гг., которые воспроизводятся в нынешних высказываниях, можно заметить, как все более явным становилось предпочтение жизни без официоза и вне официоза. Оно противопоставлялось еще не иссякшей тенденции к официально-идеологической и партийной карьере, которая уже не рассматривалась как безусловная и единственная ценность. Реализация человеческого достоинства, свободы познания и действий вне административно-управленческих структур для многих была более ценной, чем властвование.

В интервью выпускников исторического факультета 1970-х гг. часто возникало противопоставление карьеризма и научной любознательности. Первое чаще всего воспринималось как стремление продвинуться вверх по партийно-комсомольской или профсоюзно-административной лестнице, где исторические знания не являлись обязательным условием профессионального, личностного роста и не составляли смысл деятельности, жизненного успеха. В таком случае студенческое изучение истории могло ограничиваться усвоением официальной версии и умением имитировать речевые практики, предназначенные для воспроизводства идеологии. Интеллектуальное развитие было нацелено на существование в управленческой партийно-административной среде, которая определяла мотивацию и смыслы жизнедеятельности тех, кто включался в этот круг. Собственное возвышение и извлечение выгоды из использования других управляемых людей воспринимались как негласная основа карьеризма.

Противоположностью карьеризма представлялась научная любознательность. Ее крайним проявлением оказывалось своеобразное подвижничество, когда индивидуальный интерес к исследуемой исторической проблеме, тщательное и кропотливое познание ценились выше, чем быстрое получение научной степени за счет «проходных», но казавшихся скучными историко-партийных или общественно-политических тем. Стремление понять сокровенную суть явлений истории, прийти к подлинному, а не профаниро-

ванному, знанию совмещалось с поисками «своего голоса»¹⁸. Все это было осознанным условием личностного становления и роста или бессознательно-интуитивным выполнением индивидуального призвания, происхождение которого часто оставалось неясным самому «подвижнику». В таком случае интеллектуальное саморазвитие определялось профессиональной научной средой, чье признание было большей ценностью, чем внешние показатели быстрого карьерного успеха. Между ними располагалось широкое поле «просто жизни», где ориентиры задавались не карьерой или научным подвижничеством, а житейскими обстоятельствами и признанием ценности самой жизни, вне науки или служебно-властных успехов.

Сосуществование таких противоположных ценностных миров, находившихся в не проговариваемом, но всегда подспудно имевшемся конфликте, во многом определяло социальную жизнь как бы «бесклассового» советского общества. Оно выражалось среди историков 1970-х гг. во взаимном приглушенном напряжении, не всегда переходившем в антипатию между условно выделенными “карьеристами” и теми, кто предпочитал иные сферы и способы деятельности. Но это бывало под покровом обычной текущей жизни, в очень плотном переплетении жизненных условий и условностей, личностных привязанностей или неприятий, в ткани времени и судьбы и не стало очевидным даже тогда, «когда погребают эпоху», в 1991–1992 гг., в момент казавшегося освобождения от былой идеологии и прежних иерархий. Возможно, дух отмеченной патриархальности сглаживал многие потенциальные конфликты, не позволяя проявиться ни диссидентскому нигилизму, ни крайностям идеологических расправ¹⁹.

Выбор историко-партийной специализации чаще всего воспринимался студентами 1970-х гг. как «карьеризм». Его основой было усвоение существовавших норм партийного поведения и образцов идеологической, квазинаучной речи. Он предполагал показную, демонстративную имитацию деятельности, не задававшейся вопросом о ее человеческих смыслах. Воспроизводство политической ортодоксии осуществлялось через шаблонные темы дипломных работ или диссертаций и не допускало настоящей новизны, выходившей за разрешенные рамки. Здесь не нужно было знание иностранных языков, чтение книг зарубежных авторов. Профессиональный рост зависел от степени конформизма и способности действовать по заведенному расписанию, воспроизводя установленные образцы. Это могло обосновываться идеалами искреннего служения делу, верой в оправданность своих властных привилегий, но могло сопровождаться и неременным управленческим цинизмом.

В лаборатории археологии, условном антипode «карьеризма», вдохновляющим ориентиром был идеал научности. Наука обозначала выход к какому-то подлинному, не профанированному знанию, к тому, чтобы быть профессионалом, а не имитировать это. Кропотливый труд «в поле» и длитель-

¹⁸ «Свой голос» – так назывался альманах, недолго издававшийся в Иркутске в начале 1990-х гг. Название, по мнению одного из его основателей, выпускника исторического факультета 1970-х гг., отражало желание обрести свой голос и говорить своим голосом.

¹⁹ В воспоминаниях студентов не нашлось свидетельств проявления ни того, ни другого на историческом факультете в 1970-е гг.

ная камеральная обработка найденных материалов, упорное освоение текстов на чужом языке требовали больших усилий и не предполагали быстрого успеха. Своеобразное подвижничество и самоотверженность вдохновлялись каким-то внутренним инстинктом мастерства, стремлением сказать новое слово в науке или счастьем заниматься любимым делом в пусть не совсем комфортной, но зато своей среде.

Очень часто выявленное разделение воплощалось в реальном физическом движении или неподвижности. Дух научности подразумевал открытость мира, постоянные перемещения в пространстве: в столице были библиотеки, архивы, головные институты и узкие специалисты, например антропологи. Кроме того, необходимо было знание зарубежной историографии или иностранных коллекций, поскольку археологические культуры, например, не вмещались в пределы случайных политических границ. Карьеризм, прежде всего, ориентировался на сибирский материал, на местный вариант карьеры и не предполагал контактов с опасной заграницей.

Однако юношеская крайность мнений со временем сглаживалась жизненными обстоятельствами и житейским опытом. Стремление к карьерному успеху с течением лет вдруг становилось неактуальным и сменялось научной любознательностью, уводившей от шаблонов партийно-исторической тематики к глубоким, профессиональным занятиям российской политической или социальной историей. Студенческий ригоризм и готовность отказаться от материальных благ ради занятий любимой наукой в сообществе единомышленников со временем могли превратиться в повседневную рутину, гасившую импульсы достижения не только карьерного, но и научного успеха.

Схоластика и идеология, неизбежные спутницы учебы на историческом факультете, неизбежно отступали в тень, когда студенты были на «картошке», работали в овощехранилище²⁰, выезжали в строительные отряды или выходили на практику. Именно здесь наука прямо соприкасалась с житейской реальностью, и чаще всего именно жизнь становилась в такое время главной наставницей. Работа вожатым в пионерском лагере давала опыт общения с детьми. Комсомольская практика в райкоме позволяла увидеть формальные будни официально-идеологической работы. Еще более запоминающиеся уроки жизни давала летняя археологическая и историко-этнографическая практика. Здесь студенты узнавали жизненные истории, человеческие судьбы, слышали непосредственные повествования очевидцев и участников многих событий, о которых читали в учебниках и книгах.

То, что в схоластической истории передавалось как историческая закономерность, неизбежность, логичный результат развития, в рассказах о прожитой жизни оказывалось страданиями или мужеством, муками или радостями, злом или добром. Такая наука нарушала бесстрастность и бестрепетность историко-идеологических объяснений, могла научить сопереживанию, сомнению и сопротивлению. Для самоопределения молодого человека

²⁰ Как правило, студентов-историков направляли «в колхоз» в село Горохово. В сентябре они могли трудиться на уборке картошки или морковки. Запомнилась также работа на станции Кая, в овощехранилище, что позволяло студентам, проживавшим в общежитии, сделать запасы овощей впрок.

это было важным жизненным вызовом, требовавшим отклика, суждения и, может быть, переоценки ранее приобретенного знания.

В те времена важным ресурсом науки история и науки жизни, которым, в числе прочих, неявно обладал исторический факультет, было разнообразие жизненного опыта его преподавателей и студентов. Разновозрастное студенчество тех лет между школой и университетом зачастую также имело армейский или рабочий стаж. Поскольку существовала система рабочих факультетов, на каждом курсе наряду со вчерашними школьниками учились и люди с некоторым внеучебным опытом.

Старшее поколение преподавателей, как правило, проходило сложный лабиринт жизненного пути, включавший разнообразные профессиональные занятия и неоднократные перемещения на значительные расстояния в географическом пространстве. Скорее исключением, чем правилом, для них было поступление в университет сразу после школы. История была для них не столько наукой, сколько тяжелыми и трагическими обстоятельствами их жизни. Такое жесткое и неотвратимое слияние истории с личными судьбами к 1970-м гг. начнет разделяться, оставляя возможность для отстранения и взгляда со стороны на тектонику пережитых событий.

В 1970-е гг. в жизнь исторического факультета входило поколение тех, кто родился после войны, между 1946–1953 гг., и для которых становилась нормой прямая дорога из школы в студенческую среду, а после аспирантуры – в преподаватели. Однонаправленная специализация могла повысить исследовательскую квалификацию преподавателя, способствовать быстрому академическому росту. Но вместе с тем могла усилиться схоластичность исторических знаний, заранее ограниченных идеологическими рамками и довольно далеких от жизни. Установившееся к тому времени затишье после исторических катаклизмов первой половины XX в. укрепляло веру в предсказуемость и стабильность будущего, в естественную возможность профессиональной реализации в рамках партийно-идеологической парадигмы или в поиске иных образов истории. В одном случае нормы задавались идеологическими стандартами, в другом – внутренними поисками «чистой» научной истины вне идеологии.

Профессионализм становился проблемным полем, где происходило самоопределение историков и осуществлялся выбор между разными представлениями о научности их занятий. Здесь содержался еще один образовательный ресурс, которым располагал исторический факультет: разнообразие образов истории²¹, определявшихся личностными качествами преподавателей.

²¹ Современные исследователи так определяют понятие «образ истории»: «...это не вся «прошедшая история», и не все «историческое знание», а субъективное видение и интерпретация хода истории, часть мира человеческих представлений, а именно представлений о прошлом. Поэтому «образ истории» всегда является упрощенным толкованием прошлого из перспективы настоящего. При этом он ориентирован на современность, поскольку именно она задает параметры, по которым оценивается прошлое, отбирается все «значимое». Можно сказать, что прошлое актуализируется настоящим и, следовательно, является динамичной составляющей исторической культуры современного общества. В синхронном срезе культуры могут существовать несколько «образов истории», что свидетельствует о многослойности исторического сознания, которое содержит в себе изменчивость человека и его истории, а также признание воздействия истории на настоящее и будущее» [1, с. 16–17].

Кроме того, исторический факультет играл значительную роль в формировании среды дружеского общения, своеобразной сети профессионально-приятельских связей. Они сыграли большую роль после окончания университета, облегчая многим выпускникам поиски места работы. Также факультет оказался местом решения матримониальных задач: семейные пары историков 1970-х гг. были многочисленными, и их дети в 1990-е гг. приходили учиться сюда же.

Таким образом, в 1970-е гг. для студентов все, что было приобретено в образовательном пространстве исторического факультета, не ограничивалось только лекционными и книжными знаниями. Образование происходило также и вне аудиторных занятий. Оно создавалось насыщенной средой общения, характером межличностных коммуникаций, ценностными приоритетами, внутренними конфликтами личностного самоопределения. Факультет множеством связей был включен в образовательную, идеологическую, академическую, культурную жизнь города, а экспедиционная работа «забрасывала» студентов и преподавателей в разные районы Иркутской области. Непосредственное соприкосновение с жизнью неявно, но мощно влияло на становление историков.

Список литературы

1. *Бобкова М. С.* «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества / М. С. Бобкова. – М. : ИВИ РАН, 2010. – 329 с.
2. Историк и общество: отечественное англоведение. 1917–1991 гг. – М. : ИВИ РАН, 2008. – 320 с.
3. Историческая наука в современной России // История : электрон. науч.-образоват. журн. – М., 2010. – Вып. 1. – 216 с.
4. Исторический факультет Иркутского государственного университета. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 57 с.
5. Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. – 390 с.
6. История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 510 с.
7. Как изучают историю в высшей школе: опыт, перспективы, дискуссии. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 383 с.
8. *Олтаржевский В. П.* Центру Азиатско-Тихоокеанских исследований – тридцать лет // Россия и Восток: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2010. – С. 4–12.
9. *Ретина Л. П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. – Челябинск, 2011. – С. 21–36.
10. *Россова А.* Эволюция студенческих кружков и организаций на истфаке ИГУ // Наши университеты. Студенты : альманах-исслед. – Иркутск, 2010. – С. 145–150.
11. *Савельева Л. П.* Центру Азиатско-Тихоокеанских исследований – тридцать лет // Россия и Восток: взгляд из Сибири : Всерос. науч. конф., посвящ. 30-летию Центра азиат.-тихоокеан. исслед. ИГУ (Иркутск, 19 дек. 2008 г.). – Иркутск, 2010. – С. 21–22.
12. *Сидорова Л. А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки : историограф. вестн. 2004. – М., 2005. – С. 208–223.

13. *Соломон Е. Ш.* Устная история: опыт работы лаборатории истории Сибири ИГУ и музея истории ИрГТУ // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2012. – С. 28–39.

14. *Шмидт С. Ф.* Гуманитарное образование: университетские нормы и жизненные шансы // Наши университеты. Факультеты ненужных вещей? Качества и смыслы гуманитарного образования. – Иркутск, 2011. – С. 19–37.

Historical Faculty of Irkutsk State University: Education and Academic Routine in 1970-s

T. P. Kalyanova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers opportunities, provided by Historical Faculty of Irkutsk State University in 1970-s, which were aimed at perception of history as educational process and as identity formation.

Keywords: Irkutsk State University, historical education, historians, students.

*Кальянова Татьяна Петровна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-19-74
e-mail: takal@irk.ru*

*Kalyanova Tatyana Petrovna
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of World
History and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-19-74
e-mail: takal@irk.ru*